

“я из гетто сумел выбраться”

Роман Полански — Газете

газета — 2003 — 6 мая — с. 11.

Роман Полански сегодня вечером выйдет на сцену «Пушкинского», чтобы представить свой последний фильм — «Пианист». За полтора месяца до того Полански побывал на премьере картины в Санкт-Петербурге, где с ним встречался и побеседовал **Сергей Ильченко**.

Можно ли считать «Пианиста» — экранизацию книги Владислава Шпильмана «Смерть города» — фильмом, о котором вы мечтали?

Книга Шпильмана основана на детских ощущениях, она автобиографична.

Я же никогда не собирался делать автобиографичное кино. Но мне повезло найти тот литературный материал, из которого я мог черпать основу для воспоминаний детства. Потому что мои воспоминания заживо сожжены войной, и они никогда не покинут мой мозг.

Насколько то, что вы показали в «Пианисте», соответствует тому, что было в действительности?

Это соответствует тому, что я помню о краковском гетто, из которого мне ребенком чудом удалось спастись. Когда один из лидеров знаменитого восстания

в варшавском гетто Марк Эйдельман посмотрел «Пианиста», он мне сказал, что все увиденное им на экране — правда. Эйдельман знает, что говорит. Он мальчишкой участвовал в том отчаянном восстании, после которого чудом спасся. Это было восстание молодых людей, которым было от четырнадцати до двадцати лет. Все они погибли. Они отчаялись вырваться на свободу, потому и решились на восстание. Ведь первоначально в варшавском гетто находилось около 350 тысяч евреев. Затем туда стали свозить евреев со всей Польши, пойманных во время облав по маленьким городкам, и население гетто стремительно возросло до полумиллиона человек. Люди умирали десятками. А эшелоны увозили тысячами людей в лагерь смерти. Собственно, все это и показано в моем фильме. В нем рассказано то, что я пережил. Поэтому я не испытываю никаких сложностей с тем, чтобы описать увиденное. Если вы хотите узнать более точные детали и цифры, могу посоветовать вам обратиться к архивам и документам. Действительность была такой, что ее невозможно даже представить и невозможно на нее смотреть. Трудно представить масштаб холокоста.

Порою понятие величины кажется мне в таких трагических случаях абсурдным понятием. Например, когда я прилетел в Петербург, то по дороге в гостиницу мы остановились у мемориала, посвященного памяти жертв ленинградской блокады. Там я услышал эту страшную цифру — восемьсот тысяч человек погибли в городе во время этой блокады. Это абстрактная величина. А вот фотография женщины, у которой на руках умирающий ребенок, вот это и есть конкретный факт, который способен вызывать душевное волнение. Поэтому цифры жертв холокоста и его географические размеры — это скорее материал для статистики, чем для искусства... Мне повезло, в отличие от моей семьи, я из гетто сумел выбраться.